

Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ (Москва)

ЕЩЕ РАЗ О ЗАМЕНЕ ШИПЯЩИХ СВИСТЯЩИМИ В ЯЗЫКЕ БЕСЕРМЯН

В настоящее время известно, что в языке бесермян, точнее в некоторых бесермянских говорах удмуртского языка, происходила закономерная замена шипящих свистящими, т. е. $\check{s} > s$ и $\check{z} > z$. Выяснению причин этого явления посвящена статья Т. И. Тепляшиной¹, в которой поставлено две задачи: 1) отметить, что замена шипящих свистящими представляет собой специфическую особенность тюркских и финно-угорских языков волгокамского ареала, и 2) доказать, что наличие этого явления в языке бесермян обязано влиянию тюркского языкового субстрата.

Если речь идет о замене шипящих свистящими, то читатель вправе ожидать, что Т. И. Тепляшина будет приводить случаи этой замены в различных языках Волго-Камья. Материал статьи, однако, показывает, что автор считает необходимым установить прежде всего наличие в языке чередования $s — \check{s}$, не вдаваясь в сущность его механизма. Поясним это положение выдержками из статьи.

«Междиалектное звукосоответствие $\check{s}$ и s , — замечает Т. И. Тепляшина, — широко представлено в марийском языке. Замену литературного $\check{s}$ согласным s как особое фонетическое явление Н. И. Исанбаев отмечает в наиболее арханчном мензелинском говоре марийского языка, ср.: *совын* в м. лит. *шовын* 'мыло', *сынаш* в м. *шынаш* 'испытывать', *соган* в м. *шоган* 'лук' и т. п. Звук s на месте $\check{s}$ встречается также в сернурском говоре марийского языка. Как известно, в определенный период развития марийского языка в нем произошел переход древнего финно-угорского s в $\check{s}$. Видимо, в силу этой закономерности в современном языке наблюдается чрезвычайно много междиалектных соответствий $s — \check{s}$.»²

Но ведь автор поставила цель доказать, что в районе Волго-Камья происходила замена шипящих свистящими. В марийском же языке наблюдался обратный процесс: частотность $\check{s}$ не уменьшалась, а, наоборот, увеличивалась. Что же касается слов мензелинского диалекта, приводимых Н. И. Исанбаевым, то они иллюстрируют скорее сохранение более старого состояния, ср. тат. *сабын* 'мыло', *сынау* 'испытание', *суган* 'лук' и т. п. Видимо, сознавая нестройность своих доказательств, Т. И. Тепляшина пишет далее: «Нам представляется, что отдельные проявления s в более архаичных марийских диалектах на месте литературного $\check{s}$ наряду с s , сохраняющимся из финно-угорского праязыка, могут отражать и такой древний s , который был связан с общностью

¹ Т. И. Тепляшина, Подмена шипящих звуков свистящими в языках Волго-Камья. — СФУ VII 1971, стр. 5—12.

² Там же, стр. 6.

языков Поволжья, некогда имевшей место в их развитии.»³ В данном случае непонятно, о каком древнем *s*, связанном с общностью языков Поволжья, идет речь. Если какой-то древний *s* сохранялся, то это опять-таки не иллюстрирует процесса замены шипящих свистящими.

Пытаясь доказать подмену $\check{z}$ звуком *z*, Т. И. Тепляшина вновь ссылается на марийский язык: «В марийских диалектах малмыжско-кильмезского типа согласному $\check{z}$ соответствует *z*: *узалаш* в м. *ужалаш* 'продавать', малм. *сузар* в м. кильм. и др. говоров *шужар*, *шужар* 'младшая сестра', *пузар* в м. *пужар* 'настриг', *нузгол* в м. *нужгол* 'щука' и т. д.»⁴

Известно, что ранее существовавшее не может подменять собой более позднее. В чередовании $\check{z} - z$, наблюдаемом в марийских диалектах, *z* отражает более раннюю ступень: диал. *узалаш* 'продавать', коми-зыр. *вузавны*, малм. *сузар* 'сестра', ср. эрз. *сазор* 'сестра'. Изменение $z - \check{z}$ в марийском языке теснейшим образом связано с $s > \check{s}$. Этот переход представлял собой симметричный и синхронный процесс. Таким образом, приводимые Т. И. Тепляшиной примеры опять-таки недостаточно доказательны.

Далее Т. И. Тепляшина переходит к чувашским и татарским примерам. Дается ссылка на В. И. Котлеева, который отмечает в красночетайском говоре произношение *s* вместо *ш*, например: *сӑс'и* в м. лит. *шӑш'и* 'мышь', *сӑна* в м. *шӑна* 'муха' и т. д.⁵

Однако из этой краткой ссылки опять-таки неясно, в каком направлении шел процесс, так как для истории чувашского языка более характерно увеличение частотности $\check{s}$, а не замена $\check{s}$ звуком *s*. Для установления направления изменения звуков Т. И. Тепляшиной нужно было привести этимологии диалектных чувашских слов, чего, к сожалению, в статье не сделано. Установление этимологий приводимых В. И. Котлеевым чувашских слов свидетельствует скорее о том, что в красночетайском говоре не $\check{s} > s$, а скорее сохранялся древний *s*, ср. красночет. *сӑси*, азерб., тур., туркм. *сычан* 'мышь'; красночет. *сора* 'белый', тув. *сарыг*, тат. *сары* 'желтый'; красночет. *сӑна*, туркм. *синек* 'муха'; красночет. *сӑмӑ*, уйг. *сӑнӑк*, туркм. *сӑнӑк* 'кость'.⁶ Это положение подтверждается А. С. Каныковой, которая также приводит некоторые этимологии, например, др.-тюрк. *syb*, чув. *шу*, *шыв* 'вода'; др.-тюрк. *syпу*, чув. *шӑнӑ* 'кость'.⁷ Если эти примеры свидетельствуют о сохранении древнего *s*, то они не могут в то же время служить подтверждением замены шипящих свистящими в чувашском языке.

Далее Т. И. Тепляшина, ссылаясь на Л. П. Сергеева⁸, приводит такие примеры, как *сӑре* — *шире* 'борона', *сонаска* — *сунашка* 'санки'.⁹ Здесь также скрывается недоразумение, так как *сӑре* сохраняет старый *s*; ср. тур. *sürütek* 'тащить, волочить'. Следовательно, это сопоставление отражает ненужный для гипотезы Т. И. Тепляшиной $s > \check{s}$. Сопоставление слов *сонаска* — *сунашка* сделано совершенно не к месту, так как эта пара слов демонстрирует переход не $\check{s} > s$, а $\acute{s} > s$, где $\acute{s}$ из более древнего $\check{s}$, ср. тат. *чана* 'сани'. А. С. Каныкова ясно указывает, что в среднем говоре верхового чувашского диалекта в словах *сонаска*

³ Т. И. Тепляшина, Подмена шипящих звуков свистящими в языках Волго-Камья, стр. 6.

⁴ Там же, стр. 8.

⁵ Там же, стр. 7.

⁶ В. Г. Егоров, Этимологический словарь чувашского языка, Чебоксары 1964.

⁷ А. С. Каныкова, Некоторые особенности диалектов чувашей турн и анатри. — Материалы по чувашской диалектологии I, Чебоксары 1960, стр. 92.

⁸ Л. П. Сергеев, Диалектологический словарь чувашского языка, Чебоксары 1968.

⁹ Т. И. Тепляшина, Подмена шипящих звуков свистящими в языках Волго-Камья, стр. 7.

'салазки', *пасър* 'давеча' вместо лит. *ç* произносится *с* (лит. *сунашка, пасър*).¹⁰

Вообще Т. И. Тепляшина совершенно напрасно пытается доказать наличие перехода $\check{s} > s$ в чувашском языке. Древний $\check{s}$ в чувашском языке превращался в $\acute{s}$. Древний же s в значительной мере сохранялся. Частично в отдельных словах этот звук переходил в $\check{s}$, причем в разных диалектах этот переход совершался неравномерно. «Чередование звуков s и $\check{s}$ отмечается и в татарских диалектах: *шугыш* вм. *сугыш*, *шойләшү* вм. *сөйләшү*». ¹¹ Приведенные примеры бездоказательны, так как превращение слова *сугыш* 'война' в *шугыш* и *сөйләшү* 'разговор' в *шойләшү* можно объяснить простой ассимиляцией. Вряд ли удачна ссылка на диссертацию Д. М. Сарманаевой «Особенности диалектов татарского языка Среднего Урала», которая отмечает в этих говорах переход $\check{s} > s$, например, *кош* — *кос* 'птица', *кеше* — *кэсэ* 'человек'¹², так как это явление может быть связано не с волгокамским, а с казахско-каракалпакским языковым ареалом, где оно имеет свои причины.

Очень неопределенна ссылка на наличие чередования s — $\check{s}$ в башкирских говорах, в которых персидские и арабские заимствования усвоены через s .¹³ Ничего не говорится о том, какого происхождения этот s , так как новый s в башкирском языке обычно развивался из старого $\check{s}$. Этот s мог передавать и персидский $\check{s}$, ср. башк. *насар* 'плохой'. Отмечается также чередование $\check{s}$ — s в эрзянских говорах, расположенных на территории Горьковской области, но без указания конкретных примеров.

Анализируя изложение Т. И. Тепляшиной случаев чередования $\check{z}$ и z , читатель приходит к выводу, что это явление не может даже рассматриваться как характерный признак языков Волго-Камья. Переход $\check{z} > z$ фактически обнаруживается только в бесермянских говорах удмуртского языка. Для татарского, башкирского и пермских языков оно вообще не характерно.

Не может не вызвать критических замечаний и раздел «Причины возникновения перехода $\check{z} > z$, $\check{s} > s$ ». Т. И. Тепляшина приходит к выводу, что подмена шипящих свистящими в отдельных диалектах языков Волго-Камья не носит финно-угорского характера по двум основным причинам. Чередование $\check{s}$ — s , иногда $\check{z}$ — z , наблюдается в тюркских языках, распространенных на довольно широком пространстве от Поволжья до Хакасии включительно. Другой причиной могло послужить зональное чередование $\check{s}$ — s , характерное для языков Волго-Камья.¹⁴ Для подкрепления своего тезиса о наличии чередования $\check{s}$ — s в языках Волго-Камья Т. И. Тепляшина ссылается даже на данные мансийского языка, в котором различными исследователями отмечалось диалектное чередование $\check{s}$ — s . «Известно, — замечает Т. И. Тепляшина, — что предки угорских народов в древности обитали в районе Нижнего Прикамья. Случаи «чередования» s и $\check{s}$ в мансийском языке лишний раз подтверждают принадлежность данного фонетического явления Волго-Камью». ¹⁵ По мнению Т. И. Тепляшиной, угорская топонимия свидетельствует о былом неразличении s и $\check{s}$.

¹⁰ А. С. Канюкова, Чувашская диалектология, Чебоксары 1965, стр. 60.

¹¹ Т. И. Тепляшина, Подмена шипящих звуков свистящими в языках Волго-Камья, стр. 7.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, стр. 8, 9.

¹⁵ Там же, стр. 9.

Выше указывалось, что Т. И. Тепляшиной не удалось доказать наличие закономерной тенденции перехода $\check{s} > s$ в языках Волго-Камья, поскольку ею постоянно смешиваются случаи сохранения старого s и перехода $s > \check{s}$ и $\check{s} > s$, объединяемые неопределенным термином «чередование». Что же касается чередования $s - \check{s}$ в мансийском языке, то оно вовсе не свидетельствует о былом неразличении s и $\check{s}$, как утверждает Т. И. Тепляшина, и может быть объяснено другими причинами, о чем будет идти речь ниже.

Много внимания уделяет Т. И. Тепляшина доказательству возможности чередования $s - \check{s}$ в языке камских булгар. «Установлено, — пишет она, — что в протобулгарском языке имелся звук s , перешедший впоследствии в древнечувашиком языке в $\check{s}$.»¹⁶ Во-первых, это положение фактически неверно, так как ни в камско-булгарском, ни в чувашском языке s не мог полностью перейти в $\check{s}$. Наряду с такими словами чувашского языка, как *шыв* 'вода', *шурӑ* 'белый (первоначально: желтый)', *шӗвӗр* 'острый' и т. д., действительно отражающих переход древнего $s > \check{s}$, имеется масса слов, сохраняющих древний s , ср. *сухал* 'борода', *сут* 'продавать', *сывӑх* 'здоровье', *сун* 'гаснуть' и т. д. Во-вторых, если бы даже s полностью переходил в $\check{s}$, то этот процесс никак нельзя было бы назвать заменой свистящих шипящими. Аргументы, приводимые в пользу отсутствия в камско-булгарском языке звука $\check{s}$, очень слабы: Д. А. Хвольсон допускает чтение имени булгарского царя *Алмуш* как *Алмус*, А. Б. Булатов утверждает, что большинство древнебулгарских личных имен в начале слова имело s -овую огласовку.¹⁷ По мнению Т. И. Тепляшиной, эти явления отражают период, когда в языке камских булгар употреблялись только свистящие звуки. Ссылаясь на В. Г. Егорова, она утверждает, что древнее племенное название чувашей *суваз* могло превратиться в *шубаш* и *шубаш*.¹⁸ Вряд ли такая перемена была возможна, так как *суваз* могло скорее превратиться в *сувар*, это племенное название действительно зафиксировано. Если бы такая перемена и совершилась, она демонстрировала бы переход $s > \check{s}$, а не переход $\check{s} > s$, который нужен Т. И. Тепляшиной. Ничего не доказывает и сопоставление таких слов, как распространенные в южных диалектах удмуртского языка *сырчик* 'скворец' и его татарские диалектные варианты *шерчык* и *сыерчык*. Это явно звукоподражательное слово и по этой причине не показательное.

«Фиксация чувашских слов письменными источниками XVIII в., — заявляет Т. И. Тепляшина, — показывает, что и в этот период широко употреблялись слова как с s , так и с $\check{s}$, ср. чув. *сюхан—шухон* 'ворон', *сирла—шурла* 'ягода'.»¹⁹ Здесь снова допущена ошибка, так как s в этих словах отражает не s , а $\acute{s}$, ср. красночет. *сӑӑохаӑн* 'ворон', лит. чув. *сырла* 'ягода'.²⁰ Поскольку чув. $\acute{s}$ произносится шепеляво, то русские могли его воспринимать и как s , и как $\check{s}$. Следует также отметить, что вопреки утверждениями Т. И. Тепляшиной, в надгробных надписях на языке камских булгар имеются свидетельства о наличии в этом языке $\check{s}$, например: *altī ġur toxur van altīmīš ġal-* 'год шестьсот девяносто шестой' (1297).²¹

¹⁶ Т. И. Тепляшина, Подмена шипящих звуков свистящими в языках Волго-Камья, стр. 10.

¹⁷ Там же, стр. 10.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, стр. 11.

²⁰ В. И. Котлеев, О некоторых фонетических особенностях красночетайского говора. — Материалы по чувашской диалектологии II, Чебоксары 1963, стр. 20.

²¹ J. Benzing, Das Hunnische, Donaubolgarische und Wolgabölgarische. — Philologicae turcicae fundamenta. Tomus primus, Wiesbaden 1959, стр. 692—693.

После многочисленных попыток доказать чередование $\check{s}$ — s в языке камских булгар Т. И. Тепляшина приходит к следующему выводу: «Следует считать, что произношение s и z в бесермянском вместо $ш$ и $ж$ удмуртского языка представляет собой древнее явление, которое встречается и в отдельных говорах других поволжских языков. Пребывание предков бесермян в Нижнем Поволжье совпадает со временем существования Булгарского царства в Волго-Камье (VII—XII вв.). Язык восточных булгар оказал большое влияние на марийский, мордовские, пермские и венгерский языки. Значительная часть булгарского населения растворилась в среде татар; следовательно, пережитки древнебулгарского языка сохранились и в татарских диалектах. Таким образом, очаг употребления слов с характерным s вместо $\check{s}$ (а равно и z вместо $\check{z}$) находился в диалектах древнебулгарских племен.»²²

Согласимся на время с Т. И. Тепляшиной и допустим, что предки современных бесермян действительно говорили на каком-то древнем камско-булгарском или чувашском диалекте, в котором осуществился переход $\check{s} > s$ и $\check{z} > z$ или даже не было звука $\check{s}$. Усваивая удмуртские слова типа *жум* 'слабый, невеселый', *жадиз* 'он устал', *жаг* 'сор', предки бесермян — камские булгары или чуваша — всюду заменяли в данном случае начальный $\check{z}$ на z . Однако здесь имеется одно очень серьезное противоречие: сама манера звуковой замены не свидетельствует о том, что ее мог произвести камский булгарин или древний чуваш. В языке камских булгар и чувашей начало слова глухое, поэтому они никак не могли заменить начальный $\check{z}$ на z . Интересно при этом заметить, что плохо знающие русский язык финны передают русский начальный $\check{z}$ через s (*Sukov* = *Жуков*, *Silina* = *Жилина*). Далее, встречая удмуртские слова типа *шай* 'могила', *шара* 'громко, вслух', *буш* 'пустой', *шут* 'некрасивый' булгарин или чуваш регулярно заменял $\check{s}$ на s .

В данном случае трудно поверить, чтобы в фонетической системе его языка не было более близких по артикуляции звуков. Он мог передать его через $\acute{s}$, возникший из древних j , $\acute{c}$ и $\check{s}$, например, *сул* 'дорога', *сап* 'бить', *суç* 'волос'. Поэтому можно было скорее ожидать появления слов *šaj*, *šara*, *buš*, *šuš*, чем *saj*, *sara*, *bus*, *sus*.

Не может не вызвать удивление и другой факт. Оказывается, замена шипящих свистящими произошла далеко не во всех бесермянских говорах.²³ Почему же остальные бесермяне, будучи булгарами по происхождению, эти звуки освоили? Они также прекрасно произносят начальные звонкие согласные.

Все эти противоречия явно показывают, что при изучении результатов влияния языка субстрата Т. И. Тепляшиной нарушено одно методическое правило: при изучении результатов влияния языка субстрата, если он достаточно известен, следует учитывать не только его характерные частные особенности, но и особенности его системы. Они также свидетельствуют о том, что замена $\check{s}$ на s и $\check{z}$ на z в бесермянских говорах представляет собой результат внутренней эволюции звуковой системы удмуртского языка.

В современном языкознании развивается плодотворная идея о наличии в языках мира импликационных универсалий. Такие универсалии всегда предполагают связь между двумя языковыми явлениями. Утверждается, что если в языке имеется некоторое явление (φ), то в нем есть и явление (ψ), хотя обратное не обязательно верно, т. е. наличие

²² Т. И. Тепляшина, Подмена шипящих звуков свистящими в языках Волго-Камья, стр. 11.

²³ Т. И. Тепляшина, Язык бесермян, Москва 1970, стр. 110, 111.

(ψ) не имплицитует (φ). Так, если в языке есть двойственное число, то в нем есть и множественное число, хотя обратное не всегда верно.²⁴ Применительно к рассматриваемому нами случаю импликационная универсалия может быть сформулирована так: в различных языках превращение $\check{s}$ в s чаще всего связано с превращением $\check{c}$ в s .

Показательна в этом отношении история консонантизма трех тюркских языков — казахского, ногайского и каракалпакского. В казахском языке имел место переход $\check{s} > s$, ср. казах. *бес* 'пять', тат. *биш*, тур. *beş*; казах. *бас* 'голова', тат. *баш*, тур. *baş*. В то же время звуку $\check{c}$ других тюркских языков в казахском соответствует $\check{s}$, ср. казах. *шыдам* 'терпение', тат. *чыдам*, тур. *çıdam*; казах. *шығыс* 'выход', тат. *чыгыш*, тур. *çıkış*; казах. *шак* 'период', тат. *чак* 'время', тур. *çağ*. Аналогичное явление наблюдается в ногайском языке, ср. ног. *бес*, *бас*, *шыдам*, *шыгыс* 'расход, восход', *шак*. Каракалпакский язык в этом отношении представляет полную параллель казахскому и ногайскому языкам.

Любопытно также отметить, что и в других тюркских языках, где исконный $\check{c}$ подвергался изменению, изменялся и исконный $\check{s}$, ср. якут. *а̄с* 'голод' < *а̄č*, *күс* 'зима' < *қі̄š*.²⁵ Процесс $\check{c} > s$ в якутском можно представить как $\check{c} > \check{s} > s$; ср. также слова кызыльского диалекта хаккаского языка *kös* 'сила' < *küč*, *kömös* 'серебро' < *kümüš*.²⁶

Есть все основания предполагать, что и в мансийском языке древний $\check{c} > \check{s}$ и в связи с этим древний $\check{s} > s$, ср. коми-зыр. *čök* 'толстый', манс. *šäu*, *sau* 'много'.²⁷ В угорских и самодийских языках, замечает Б. Коллиндер, протоуральский $\check{s}$ совпал с s .²⁸ Если он совпал, значит превратился в s .

Можно допустить, что в истории прибалтийско-финских языков также наблюдался переход $\check{s} > s$, обусловленный переходом $\check{c} > s$. Протоуральский $\check{c}$, замечает Б. Коллиндер, потерял в финском языке свой первый компонент.²⁹ Протоуральский $\check{s}$ в финском языке превратился в h .³⁰ Если учесть общую типологию развития звуков, то h часто возникает из s . Очевидно, $\check{c}$ сначала превратился в $\check{s}$, который затем дал s , последний уже позднее изменился в h . Во втором случае из $\check{s}$ сначала развился s . Подхваченный звуковым законом перехода $s > h$, он также в результате дал h .

При таких обстоятельствах язык бесермян превращается в уравнение с одним неизвестным. Если в нем совершался переход $\check{s} > s$, то в нем где-то должен быть и $\check{c} > \check{s}$. Такое явление в языке бесермян действительно имело место. В своей работе «Язык бесермян» Т. И. Тепляшина отмечает, что твердая аффриката $\check{c}$ (č) в бесермянском диалекте заменяется звуком $\check{s}$. Примеры: удм. лит. *čанак*, бес. *šарак* 'как раз'; лит. *čук*, бес. *šук* 'утро'; лит. *кучо*, бес. *кушо* 'пестрый' и т. д.³¹

Если $\check{c} > \check{s}$, то должен быть где-то и переход $\check{s} > s$, что также отме-

²⁴ Дж. Гринберг, Ч. Осгуд, Дж. Дженкинс, Меморандум о языковых универсалиях. — Новое в лингвистике, вып. V. (Языковые универсалии), Москва 1970, стр. 36.

²⁵ N. Poppe, Das Jakutische. — Philologicae turcicae fundamenta, стр. 673.

²⁶ O. Pritsak, Das Abakan- und Cylum-türkische und das Schorische. — Philologicae turcicae fundamenta, стр. 606.

²⁷ B. Collinder, Comparative Grammar of the Uralic Languages, Uppsala 1960, стр. 52, 53.

²⁸ Там же, стр. 61.

²⁹ Там же, стр. 52.

³⁰ Там же, стр. 102.

³¹ Т. И. Тепляшина, Язык бесермян, стр. 131.

чено Т. И. Тепляшиной, ср. удм. лит. *шара*, бес. *sara* 'громко, вслух', лит. *буш*, бес. *bus* 'полюй, пустой', лит. *шуш*, бес. *sus* 'некрасивый'.³²

Переход $\check{c} > \check{s}$ в части бесермянских говоров вызвал относительный избыток фонемы $\check{s}$. Он был устранен тем, что $\check{s}$ превратился частично в *s*.

Твердая аффриката $\check{z}$ в бесермянских говорах переходила в $\check{z}$, ср. удм. лит. *жук*, бес. *žuk* 'каша', лит. *жог*, бес. *žog* 'медленно, тихо' и т. д.³³ Образовавшийся избыток $\check{z}$ привел к тому, что $\check{z}$ начал переходить в *z*. Следует иметь также в виду, что переход $\check{z} > z$ был симметричен переходу $\check{s} > s$.

Заканчивая статью, мы считаем необходимым сделать два вывода: 1) гипотеза Т. И. Тепляшиной о влиянии тюркского языкового субстрата на переходы $\check{s} > s$ и $\check{z} > z$ в части бесермянских говоров лишена лингвистических оснований и 2) указанный переход представляет собой результат внутреннего развития системы удмуртского консонантизма в отдельных бесермянских говорах.

³² Т. И. Тепляшина, *Язык бесермян*, стр. 134.

³³ Там же, стр. 131.

В. А. SEREBRENNIKOV (Moskau)

NOCH EINMAL ÜBER DEN WECHSEL DER SIBILANTEN IN DER SPRACHE DER BESSERMÄNEN

Im bessermänischen Dialekt der udmurtischen Sprache ist ein Wechsel von $\check{s}$ und $\check{z}$ durch *s* und *z* entdeckt worden. T. I. Tepljašina behauptet (СФУ VII 1971, S. 5—12), daß dieser Wechsel dank dem Einfluß des türkischen Substrats (die Sprache der Kama-bulgaren) entstanden ist. Der Verfasser vertritt einen anderen Standpunkt und zeigt, daß diese Hypothese nicht stichhaltig ist. Laut der Meinung vom Verfasser stellt der Wechsel von $\check{s}$ und $\check{z}$ in der Sprache der Bessermänen ein Resultat der inneren Entwicklung des Systems des udmurtischen Konsonantismus dar. Als Hauptmittel seiner Argumentation nützt der Verfasser eine Implikationsuniversalie aus, die darin besteht, daß die Verwandlung von $\check{c}$ zu $\check{s}$ gesetzmäßig von der Verwandlung $\check{s}$ zu *s* begleitet wird. Die Verwandlung von $\check{z}$ zu *z* erscheint laut dem Gesetz der Symmetrie. Das Material des bessermänischen Dialekts bestätigt die Wirkungskraft dieser Universalie.